

М ФирА

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

М ФирА
Сильные духом

«Издательские решения»

М ФирА

Сильные духом / М ФирА — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656752-8

В произведении «Сильные духом» автор описывает жизнь и судьбы людей, на долю которых выпали счастливые дни и суровые испытания. Пользуясь литературным приемом, М ФирА окунает нас в жизнь и быт людей, начиная с 1900 до 1959 гг. Герои произведения проходят все перипетии, связанные с историческими событиями страны. Стойкие и мужественные они передают из поколения в поколение силу своего духа. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-00-656752-8

© М ФирА
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Марджан ханум	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сильные духом

М ФирА

© М ФирА, 2025

ISBN 978-5-0065-6752-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

М ФирА

Сильные духом

В произведении «Сильные духом» автор описывает жизнь и судьбы людей, на долю которых выпали счастливые дни и суровые испытания. Пользуясь литературным приемом, М ФирА окунает нас в жизнь и быт людей, начиная с 1900 до 1959 гг. Герои произведения проходят все перипетии, связанные с историческими событиями страны.

Стойкие и мужественные они передают из поколения в поколение силу своего духа.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Мать и дочь сидели напротив друг друга. Волею судьбы обе они были правнучками Ага-Али. Мать являлась внучкой Фатимы ханум (дочери Ага-Али), а дочь – внучкой Шихали (сына Ага-Али).

Род их был древним. Обосновался в одном из пригородов Баку и брал начало, со слов Фатимы ханум, с Хазрата Али.

– К сожалению, записи давно утеряны, – говорила она своим детям, внукам, правнукам.

Сыновья и дочери, племянники и племянницы Пророка действительно бежали от преследователей, и судьба многих неизвестна.

– Не верить или верить словам Фатимы ханум не нам решать, – говорили все ее окружающие.

– Возможно, ей об этом обстоятельстве рассказывали ее бабушка или прабабушка...

В роду были целители, ясновидящие, а самое главное – все, из поколения в поколение, сильные, решительные, волевые и непоколебимые они передавали эту силу духа не только по наследству, они могли ее вселить в души тех, кто жил рядом с ними.

Мать и дочь часто вспоминали о жизни и многочисленных интересных событиях своих родных, представляли себе, какими они были, как жили, мысленно уходя в то далекое и незнакомое время...

Часть первая

Марджан ханум

Глава 1

В комнату вошел высокий, белолицый, темноволосый, синеглазый, с пышными усами, розовощекий Ага-Али. В его красоте было что-то грозное и величественное. Марджан ханум встала ему навстречу. Дети притихли. Выпив чай и немного поиграв с детьми, Ага-Али пригласил ее в свой кабинет. Она догадывалась, о чем пойдет речь.

Дядя ее мужа давно намекал Ага-Али на свою племянницу, за которой давал большое приданое. У него не было сыновей, а муж дочери был картежником. Дядя боялся, что после смерти все уйдет с молотка, женитьба Ага-Али на его племяннице спасет положение как его, так и его дочери.

Разговор с мужем состоялся. Она спокойно и с внешним равнодушием дала согласие на женитьбу и, извинившись, ушла на свою половину. Марджан ханум не могла возразить мужу, т.к. сама была второй женой, но ей казалось, что после робкой и безграмотной Тукезбан она, родившая шестерых сынов, хозяйственная, грамотная, сможет противостоять его новой женитьбе. Одно ее успокаивало.

– Ага-Али женится с моего согласия, это говорит о многом!

Всю ночь, томимая ревностью и обидой, Марджан проплакала.

А утром!.. Она была неотразима! Мелкокостная, хрупкая, стройная, в красивом красном платье, оттенявшем ее чуть смугловатую кожу и каштановые с рыжеватым отливом волосы, сплетенные в тугие косы, большие миндалевидные глаза, обрамленные густыми черными ресницами, позволявшими ей не пользоваться сурьмой, разлет бровей, как два крыла взлетающей птицы, нежный пушок на переносице, маленький нос и четко очерченные алые губы. Марджан ханум всем своим существом давала понять окружающим, что она, именно ОНА, здесь хозяйка была, есть и будет. В твердости и силе характера было ее превосходство.

Ага-Али женился на Марьям. Через месяц уехал по делам, а после приезда упал в объятия Марджан. Она покоряла его своей хрупкостью, мужским складом ума, силой воли. Только ей он безмерно доверял, только ей принадлежали его душа и сердце.

У Ага-Али было семь мальчиков и две девочки. Аман и Айша от Тукезбан. Шабан, Мелик-Ага, Шихали, Али-Акрам, Баба-Али, Агахан и Фатима от Марджан. Марьям была бездетна. Он старался дать детям хорошее образование. Приходили два учителя. Дети играли на музыкальных инструментах. Прекрасно владели языками. Читали Коран. В доме царили мир и спокойствие. Дети и жены жили в достатке, это была одна большая семья, все делалось по взаимному согласию. Взгляда Ага-Али было достаточно, чтобы домочадцы поняли, что к чему. Баловнями семьи были только двое – Али-Акрам и Фатима. Унаследовав от отца синий цвет глаз и смугловатость кожи от матери, они отличались от остальных детей. Смешливые и озорные они были любимцами всех родственников. Им прощалось все, и их все и во всем поощряли. С малолетства сватали Фатиму, а Али-Акраму предлагали своих дочерей, внучек, сестер.

– Хоть третьей, хоть четвертой женой, но возьми, – говорили они.

– У меня будет гарем, как у Шаха, – говорил Али-Акрам, будучи еще ребенком, а братья и сестры дружно смеялись, подшучивая над ним.

Дети росли, росли и заботы. В Сураханах становилось тесно. Ага-Али сделал две пристройки к дому и решил еще купить дом в Баку. Дела шли хорошо, он занимался производством извести, а недавно приобретенные пахотные земли тоже приносили немалый доход. Марджан вела проверку приходных и расходных книг. Она с большим усердием и ответственностью относилась к этой работе. Последние месяцы Марджан стала замечать серьезные погрешности в работе управляющего. Своими сомнениями она поделилась с мужем.

– Или я чего-то не понимаю, или он крадет, – осторожно сказала она.

Ага-Али не сказал жене, что уже говорил с управляющим месяц назад, и, взяв с него слово, оставил на работе, но, видно, напрасно. Надо уволить. При увольнении Марджан попросила Ага-Али оплатить все без вычета за украденное.

– Пусть уйдет с миром, – подумала она.

Но наглец при уходе сказал:

– Вам будет во сто раз больше, чем мне сегодня.

– Работай честно, – грустно сказала Марджан.

Так и разошлись.

Первое время Марджан ханум сама занималась делами, а позже взяли управляющим Андрея Павловича, который стал впоследствии членом их семьи. Жизнь шла своим чередом. Ага-Али за обедом любил делать переключку: – Аман, Шабан, Мелик-Ага, Шихали, Али-Акрам, Баба-Али, Агахан. Мои сила и опора! Я горжусь вами! Айша, Фатима – вы украшения моего дома, вы мои золото и бриллианты.

Окруженные заботой, дети не чувствовали, что у них разные матери, да этого и не было, т.к. все три женщины заботились обо всех одинаково, все они были детьми Ага-Али, а значит, и их общими детьми, любовь, добродушие, взаимовыручка, царившие в доме, вызывали радость и приносили покой и уверенность.

Аман и Шабан любили уединяться. Строили планы на будущее. Хотели путешествовать, поглядеть другие страны. Аман сокрушался, что скоро его женят, а он еще в жизни ничего толком и не видел. Целыми днями они разглядывали глобус, привезенный отцом.

В этот день они ушли после обеда.

– Хотим посмотреть закат, – сказал Шабан.

– Вчера любовались восходом, сегодня – закатом, – нежно и с любовью сказала Тукезбан. – В следующий раз пойду с вами, я тоже природу люблю.

– Обязательно, – одновременно сказали оба и побежали.

Уже было за полночь. Слуги Ага-Али обошли всю округу – мальчиков нигде не было. Весть о пропаже Амана и Шабана быстро разлетелась. Двор был полон людьми. Ночью приехал со своим отрядом гроза пригородов Гарахан. Предчувствие не обманывало Ага-Али – случилась беда! Гарахан посоветовал разбиться на группы и искать везде: и в домах, и в подвалах, в ямах, на пастбищах и в зарослях.

– Вряд ли они еще живы, – подумал Гарахан.

Ага-Али, взяв с собой Шихали, Мелик-Ага, Али-Акрама, поручил Агахану и Бабе-Али охранять дом.

В комнатах царила мертвая тишина. Девочки тихо сидели, забившись в угол. Женщины молились, но грозное слово БЕДА висело в воздухе. Слезы душили, но они старались не думать о плохом. Тишину нарушили Агахан и Баба-Али, мальчики вбежали с ужасающим криком и слезами:

– Их убили! Идите скорее, их убили!..

Тукезбан упала в обморок. Марджан побежала к телеге, на которой лежало два изуродованных тела. Аман еще дышал. Он был старше и крепче телосложением, одной рукой прижимал Шабана, другой делал жест, силясь что-то сказать. Марджан наклонилась к нему.

– Управляющий, – еле слышно сказал он. Его молодое лицо застыло, озаренное улыбкой. Он успел, он дожил, за них отомстят.

Всю ночь Марджан и Марьям провели у тел своих несчастных детей.

– Ведь они еще дети! Зачем и почему их убили? – спрашивали ничего не понимающие, обезумевшие матери.

– Люди!.. – кричала Марджан. – Разве так можно? Люди!!!

К утру привезли управляющего.

Гарахан грозно потребовал всем собраться на площади.

Ага-Али шел впереди вместе с сыновьями, за ними на телеге везли тела Амана и Шабана. Женщины плакали и причитали. Все, от мала до велика, были убиты жестокостью и бесчеловечностью от содеянного. Как оказалось, их ранеными сбросили в известковую шахту! Их истекающие кровью тела были изъедены известью!... Кого и чем могли обидеть 20-летний Аман и 18-летний Шабан? Горе матери объяснить словами можно, но горе отца...

Бескровное лицо, зубы, стиснутые с такой силой, что скрипели челюсти. Ага-Али шел, твердо ступая по булыжной мостовой. Как выдержать эту боль, что сделать, чтобы остудить свою пылающую огнем и истекающую кровью душу. В нем сочетались горе, обида, оскорбление. Он обязан был не только отомстить, но и уберечь свою семью и свой род.

– Возмездие должно быть угрожающим, – подумал Ага-Али.

– Люди! – собрав силы, начал Ага-Али. – Я грешен, ибо не наказал вора! Теперь он стал убийцей! Мое сердце обливается кровью. Вы видите горе мое и моей семьи. Вы видите слезы матерей, но запомните и другим передайте! Кто посягнет на жизнь моих детей, тому я вырежу сердце, – с этими словами он вспорол живот управляющему до самой груди и, вынув сердце, поднял его над головой и закричал: – Я это сделал и сделаю! Запомните!!!

Люди стояли в полном безмолвии...

Зрелище было ужасным, но до боли справедливым.

После похорон Ага-Али позвал к себе детей и сказал:

– Теперь у нас есть кровники, я возьму всем телохранителей, будьте внимательны, даже добро может обернуться против вас.

Вскоре, не приходя в сознание, умерла Тукезбан. Ее похоронили рядом с Аманом и Шабаном.

После 40 дней Марджан сняла траур.

– Эта боль навсегда со мной, надо жить, чтобы уберечь и защитить свой дом и свою семью, я – мать и это моя ноша, – она четко знала, что от нее ждет ее большая семья.

Глава 2

Время шло.

Просили руки Айши. Марджан нервничала.

– Не рано ли? Девочке еще 15.

Ага-Али нравился Меджид. Он был сыном его близкого друга и учился в Петербурге. Марджан не хотела отдавать Айшу так далеко, но и сыновья обожали Меджида, и ей пришлось уступить. Перед свадьбой Марджан пошла на могилу Тукезбан.

– Пусть душа твоя возрадуется, наша дочь завтра выходит замуж. Да благословит ее Бог. – Вернувшись, начала приготовления к свадьбе.

Это была первая радость после нескольких лет грусти и тоски.

Марджан и Марьям принимали гостей, Айша и Фатима важно восседали за столом с множеством яств. Когда приехали за невестой, Марджан ханум благословила Айшу и, поцеловав, подарила кольцо с бирюзой.

– Храни его, дочка, мне оно дорого. Это кольцо мне подарила мама в день свадьбы, а ей ее мама. Ты тоже подаришь его своей дочери.

Марьям подарила ей расшитую скатерть, в орнамент которой вписала имена: Тукезбан, Марджан и Марьям. Невесту увезли к счастливому жениху, а через месяц они уехали в Петербург.

... Ага-Али был в хорошем расположении духа.

– Мелик-Ага женится на дочери двоюродной сестры Тукезбан и тебе тоже мать присмотрела невесту, – сказал сыну Ага-Али. – Это дочь Джабраил-бека, почтмейстера города Баку. Помимо того, что он потомственный бек, Царь ему даровал титул дворянина с передачей этого титула до седьмого поколения. Марджан сказала, что она очень красивая и образованная, в гимназии учится. Вы будете прекрасной парой.

При особой симпатии к Али-Акраму (которому разрешалось поменять местами даже луну и солнце) и любви ко всем сыновьям, отец делал ставку на Шихали. Умный, выдержанный, он воплощал в себе все прекрасные качества характера как матери, так и его собственные. Ага-Али хотелось, чтобы у Шихали была жена, как его Марджан ханум. Он радовался. Сыновья выросли, теперь свадьбы будут подряд.

– А на ком женится всеобщий любимчик Али-Акрам?! – сокрушался Ага-Али.

– У него точно будет гарем, – усмехнулся Шихали.

– Знаешь, сын, до смешного доходит, не я прошу, а меня просят, любую возьми, мол, за Али-Акрама, вконец разбаловали мальчишку. Ничего, после твоей женитьбы, Шихали, мы и ему подберем невесту. Принцессу как минимум, – улыбаясь, сказал Ага-Али.

Свадьба Мелик-Аги гудела три дня, первая сыновья свадьба! Ага-Али от счастья не находил себе места, да и радость дополнялась тем, что его выбрали Главой поселка. Братья радовались не меньше. Марджан ханум и Марьям ханум светились от счастья. Бесчисленное количество баранов, сменяющие друг друга музыканты, зажигательные танцы, все это пьянило и дурманило. Даже младший из всех – Агахан – и тот начал поговаривать о своей женитьбе.

Гарахан сокрушался: – Дочери 16 лет, и это возраст, а ее никто не сватает.

Али-Акрам, услышав разговор, вдруг сказал:

– Что значит, не сватает? Я что умер? Я сватаю!

Ага-Али глазами дал понять сыну, чтобы тот подошел:

– Такими словами не разбрасывайся. Думай, что говоришь!

Недовольный замечанием отца, Али-Акрам пошел к матери. Марджан танцевала с Фатимой. На женской половине было также весело.

Он позвал мать.

Она вышла к сыну.

– Мама, я жениться хочу и уже с Гараханом говорил.

– Что? – почти вскрикнула Марджан.

– Разве ты не хочешь, чтобы я женился? – непонимающе сказал Али-Акрам.

– Сынок, – успокоившись, начала Марджан. – Женильба – дело серьезное, и если ты так решил, то я пойду посмотрю на девушку, а уж потом и решим.

Ей как-то говорили, что у дочери Гарахана какой-то дефект, и ее ото всех скрывают, но она, будучи далека от сплетен и пересудов, не знала, насколько это правда, да и к тому же брать его дочь в жены кому-то из сыновей не входило в ее планы.

Баловень семьи заартачился, да так, как будто ему отказывают в хлебе или еще в чем-нибудь важном и необходимом.

– Нет! Я хочу дочь Гарахана, и это ему повторяю.

Марджан, немного постояв, сделала глубокий вдох и пошла к гостям.

Вернувшись, он подошел к Гарахану и в присутствии всех громко сказал:

– Уважаемый, я прошу руки вашей дочери.

Гости замолкли. Даже музыканты застыли в играющей позе. Ага-Али побагровел от дерзости сына. Гарахан опешил, этого он не ожидал.

– Вы согласны? – спросил Али-Акрам, выводя своим вопросом всех из оцепенения.

Гарахан встал, снял с пальца перстень с большим брильянтом и протянул его Али-Акраму.

– За дочьрю я дам большое приданое, она у меня одна. Да продлятся твои дни и дни отца твоего. Спасибо тебе. Ты возвысил меня, я и мечтать не мог о таком родстве.

Ага-Али молчал, срывать свадьбу Мелик-Ага нельзя.

– Что поделать? Поручу это дело Марджан ханум, что-нибудь придумаем, – вздохнул и пошел отдавать поручения, т.к. скоро всей семьей отправлялся в Баку. Туда в новый дом привезут невесту Мелик-Аги. По дороге он отчитывал Али-Акрама:

– Что за спешка? Почему дочь Гарахана?

– Отец, помнишь тогда? Это же он нашел моих братьев! Знаешь... – восторженно начал сын.

– Дружба дружбой, а родство – другое дело, – прервал его отец. – Да и мать своего слова еще не сказала, все твое баловство.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – разглядывая перстень, повторял монотонно Али-Акрам.

Вместе с Марьям Марджан направилась в дом Гарахана. Девушка к гостям не вышла. Марьям решительно встала и направилась в комнату Асли. Девушка смущенно встала, прикрывая лицо келагаем. Марьям поцеловала ее и предложила сесть. Только пример всегда выдержанной Марджан помог ей не потерять самообладания. Немного посидев и обмолвившись несколькими словами, Марьям ушла.

– Что ты натворил, сыночек, что ты натворил, – повторяла она. Ее сердце готово было разорваться. Она обожала Али-Акрама, и в тайне мечтала, что когда-нибудь бог сжалится над ней и подарит такого же красавца-сына.

Они поговорили с мачехой Асли и ушли. По дороге Марьям рассказала о девушке.

– Али-Акрам очень поспешил. Надо что-то делать.

Марджан решила поговорить с сыном. Али-Акрам, немного смутившись, сказал:

– Решения своего менять не буду, в крайнем случае женюсь второй раз.

Долго упрашивала его Марджан, объясняла, что с Гараханом шутки плохи, а тем более, если это коснется его дочери и ее чести.

– Уезжай к сестре. Айша с Меджидом давно тебя приглашают. Поживешь у них, продолжишь учебу, поезжай, – уговаривала мать.

Но Али-Акрама как будто заворожили, он никого не только не слушал, казалось, вообще даже не слышал.

– Я женюсь! Женюсь.

Марджан плакала. Ага-Али и сыновья успокаивали ее, как могли.

– Не переживай, вторую возьмет, а может, и третью, он же говорил, что у него гарем будет, – повторяли они.

Помолвку Шихали и Али-Акрама провели почти одновременно. Марджан надеялась, что сумеет отложить свадьбу Али-Акрама, т.к. по старшинству первым должен жениться Шихали, но, увы. У Джабраил-бека были четыре дочери. Старшую только выдали замуж, день свадьбы второй дочери уже был назначен, третья дочь была помолвлена, и когда сосватали Сарию ханум, отец попросил со свадьбой подождать.

Шихали наутро после сватовства прислал Сарие ханум свой портрет в роскошной рамке.

– Какой красавец! – призналась себе Сария ханум.

Да он был таковым: прекрасного телосложения, чуть смугловатый, большие карие глаза и высокий лоб, темные волосы, прямой без горбинки нос, а его красивый рот был украшен усами. В его внешности сочетались мужество и красота.

– Он умен и хорош собой, – так говорили о Шихали.

Марджан ханум еще раз попыталась поговорить с Али-Акрамом, но он был непреклонен. Он был глух и к уговорам Марьям ханум. Братья считали, что беспокойства матерей напрасны. День свадьбы был назначен.

Глава 3

Веселый и добродушный Али-Акрам, сам не знающий слово нет, не мог никому отказать. Он был большим ребенком, и любовь окружающих усиливала в нем бездумную скоропалительность. Как-то его друг попал в беду (украли его сестру). Никому не говоря, Али-Акрам помчался на выручку. Шихали и Мелик-Ага, взяв своих телохранителей, поехали на помощь брату. Если бы они немного опоздали, Али-Акрам и его друг были бы мертвы, а телохранитель Али-Акрама чуть было не пустил себе пулю в лоб.

Фатиме было обидно, что брат женится на незнакомой ей девушке. Пугали разговоры о невесте брата, но, боясь его обидеть, она старалась с ним не говорить на эту тему. Сидя в гостиной, они мирно разглядывали журнал, присланный Айшой.

– Пришел Гарахан, – сказал слуга.

Гарахан вошел.

Фатима, поздоровавшись, ушла.

– Прошу вас, Гарахан, – указывая на кресло, сказал Али-Акрам. – Какими судьбами?

– Я тебе очень благодарен за честь, которую ты мне оказал, – начал издали Гарахан. – Но хочу тебе сказать, что моя дочь вместе со своей матерью болела оспой. Мать Асли умерла, а девочка с трудом выжила, можно сказать, с того света вернулась. У меня, кроме нее, на свете никого нет. Ты подумай, сынок. Я на тебя зла держать не буду. Ты вправе будешь жениться еще раз, я тебя не упрекну. Очень тебя прошу, подумай. Если ты после свадьбы прогонишь ее, я позора не переживу, а если откажешься до свадьбы, прощу и забуду. Подумай, сынок, подумай.

Али-Акрам молчал. Перед ним сидел сам Гарахан, и в руках Али-Акрама была его судьба.

– Я подумал, – неожиданно даже для самого себя сказал Али-Акрам. – Я женюсь. А насчет других жен, проживем – увидим.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

Более красивого жениха трудно было себе представить. Любую красоту можно описать, но эту... Его облика коснулась рука художника, нет, Всевышнего. Ибо только Всевышний может создать такое лицо, телосложение, поступь.

– Хвала создателю, – говорили гости. – Ты прекрасен!

Свадьба была на славу. Ликовали все.

– Наш любимец женится, – кричали друзья.

Сердце Марджан сжималось от какой-то непонятной боли. Она улыбалась, танцевала, но боль не утихала. Марьям не могла скрыть своего волнения, и поэтому часто выходила к прислуге.

Невесту привезли и проводили в ее покои.

Теперь провожали жениха.

На его голову сыпали деньги и сладости. Ему навстречу вышла енгя, благословив молодых, она прошла в соседнюю комнату. Али-Акрам подошел к невесте и снял с нее дуваг.

Лицо его исказилось.

Перед ним сидела... девушка, если ее можно было так назвать. Это было (изуродованное оспой до такой степени, что нос сливался с лицом) безбровое существо с воспаленными глазами! И оно испуганно смотрело на него...

Он отошел и сел на тахту.

Асли встала и принесла ему шербет, руки ее дрожали, она прекрасно поняла, что совсем не пара этому красавцу. Али-Акрам жестом руки показал на отказ и откинулся на подушки. Он тупо смотрел в потолок, не было ни чувств, ни мыслей.

Пустота...

Асли поставила стакан с шербетом на столик и вернулась на прежнее место. Она тихо сидела, как-то неестественно сжавшись, будто хотела стать невидимой.

Сколько времени прошло, неизвестно, послышался стук в дверь.

Марьям не спала. Ее мучило беспокойство. Она слишком хорошо знала своего любимца, он любил все красивое, объяснял ей и Фатиме, как надо одеваться, часами любовался природой и картинами.

– Он не сумеет это пережить, – думала она. – Как будто бес в него вселился. Сколько уговаривала, сколько объясняла...

Беспокойство усиливалось. Она оделась и пошла в комнату жениха и невесты. Марьям вошла как раз в тот момент, когда енгя стучала в дверь.

– Зачем будишь молодых? Разве можно насладиться в объятиях Али-Акрама? Потерпи до утра. Утром войдешь и простыню возьмешь, и подарки. Пойдем со мной, я тебя угощу чем-нибудь. – Она повела ее в гостиную. За чаем енгя поведала Марьям о том, что в комнате молодых странная тишина, «можно сказать, мертвая».

– Все будет хорошо, не переживай, – с внешним спокойствием сказала Марьям. – По праву второй матери я хочу сделать тебе подарок, – скороговоркой: – Подожди меня, я сейчас, – она выбежала из гостиной.

Подойдя к двери, Марьям постучала.

– Али-Акрам, открой, очень тебя прошу.

Она постучала еще раз.

– Ас

ли, доченька, открой, это необходимо, пожалуйста, – взмолилась она.

Стучать громче боялась, вдруг кто-нибудь услышит.

– Али-Акрам, пожалуйста, открой, – умоляла Марьям.

Еще через минуту дверь открыла Асли.

Войдя в комнату, Марьям все поняла. Али-Акрам смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– Эх, Али-Акрам, Али-Акрам, – ей нечего было сказать. Она понимала его состояние. – Мало того, что он женился на уродливой девушке, но и не может подойти к ней. Он, избалованный женщинами (которых у него было немало) Али-Акрам. Он не сумел сделать ее женщиной. Мой любимец может стать предметом насмешек. Я не могу допустить этого, – подумала Марьям. Закрыв за собой дверь, она стащила с тахты простыню, подняла подол юбки, кинжалом Али-Акрама сделала надрез на ноге и, замазав кровью простыню, попросила Асли переодеться. Девушка была растеряна, но молча подчинилась. Али-Акрам смотрел на происходящее безучастно. Марьям подошла к нему.

– Возьми себя в руки, все образуется, – поцеловав его в лоб, предупредила Асли, что сейчас вернется с енгей.

Ее била мелкая дрожь. С внешней веселостью вернулась в гостиную и одела на шею енге свое кольцо, а затем предложила справиться о молодых. Уже светало. Тихо постучавшись, енгя вошла в комнату вместе с Марьям. Взяв простыню, енгя успокоилась и, поцеловав новобрачную, вышла. Ей показалось странным, что жених не только молчал, но был даже одет, но это не ее дело. Предвкушая, какие ей будут сделаны подарки, она направилась к выходу, где ее ждал кучер.

Марьям принесла золотой пояс, украшенный драгоценными камнями.

– Это тебе, – сказала она Асли. – Прошу тебя, никому ничего не говори. Никому.

Утром принесли традиционный гуймаг.

Марьям хлопотала вокруг Асли. Она боялась, что девушка проговорится своим родным. Марджан все поняла. Слишком угрюмым и молчаливым был Али-Акрам и слишком несчастны были глаза Асли. Вечером Марьям все рассказала Марджан ханум.

– Подождем, может, все образуется, – горько вздохнув, сказала она.

Еще через три дня Марджан поделилась с мужем.

– Нужно что-то решать. Но что?

Ага-Али нервничал, такого он не ожидал. Решили все рассказать Шихали. Он был в полном изумлении от услышанного и решил пригласить брата на прогулку. После разговора с ним Шихали понял, что Али-Акрам никогда не сумеет подойти к своей жене, его обуревал ужас от ее внешности. С горечью в сердце они расстались. Долго думал Шихали, как помочь несчастному Али-Акраму, оказавшемуся в омуте проблем. На следующий день в разговоре с родителями Шихали предложил отправить молодых в Кисловодск, где у него был дом.

– Там немного поживут. Дом большой, разойдутся каждый на свою половину, а затем Али-Акрам поедет в Петербург к сестре. Слуги в доме верные, за Асли будут ухаживать хорошо.

Так и решили. Марьям сообщила об этом молодым.

Прошла еще неделя.

Асли, сидя в кресле, беззвучно плакала, боясь нарушить тишину. Горе ее было безутешным. Мысли путались в голове.

– Зачем я тогда не умерла вместе с мамой? Зачем меня выдали замуж? Зачем эти страдания и мне, и Али-Акраму? Он-то в чем виноват? Папа! Бедный мой папочка, только тебе я не противна, только ты меня любишь. Боже, как я несчастна!

– Прости меня, – неожиданно сказал Али-Акрам.

Асли вздрогнула. Она впервые услышала его голос. Он в первый раз за столько дней смотрел на нее, и их глаза встретились...

– Я поступил нечестно, – продолжал Али-Акрам. – Я хотел сделать тебя и Гарахана счастливыми, а сделал еще несчастнее. Я ничего не могу поделать с собой. Ни-че-го, – в голосе звучало отчаяние. – Оставайся здесь. Тебе нельзя обратно домой. Жена моя – честь моя.

Он прекрасно понимал, каким унижением будет для нее, если все раскроется, а для него и вовсе.

– Мужчина называется, – послышалось ему изнутри. – Во всем виноват я сам, – куда-то в пустоту сказал Али-Акрам и вышел из спальни.

Выстрел оглушил дом...

На полу лежал Али-Акрам, из его груди струилась кровь, Марьям рвала на себе волосы и истошно кричала. Марджан опустилась и стала бережно ласкать голову сына.

– Что же ты наделал, мой красавец!?! Что же ты наделал!?! – она медленно покачивалась из стороны в сторону, как маятник, как будто убаюкивала его.

Поодаль стояли Ага-Али, Шихали, Мелик-Ага, Баба-Али и Агахан. Каждый из них считал себя виноватым в случившемся.

– Какой грех, – сказал кто-то из прислуг.

– Грех!!! – молнией пронеслось в голове у Марджан. Она чуть не задохнулась.

– Н-Е-Т! – истошно закричала она.

Ползком, корчась от душевной боли, дойдя до Ага-Али, она, приподняв руки то ли к Богу, то ли к мужу, с молящими, полными слез и ужаса глазами, смотрела на него.

В его взгляде был ужасающий вопрос, он понимал, о чем его просит Марджан!?

– Кого и от кого я должен защитить своего несчастного сына? От Бога за содеянный грех? От молвы?

Марджан встала, выпрямилась...

– Это мой грех. Я! Я мать! Я в ответе перед Богом. Этот грех мой, и он ляжет на мою душу. Я буду ответ держать в судный день. – Набрав воздух, она громко и властно сказала: – Моего сына убили! Вы же видите, он одет. Хотел прогуляться и ждал Горхмаза (так звали телохранителя Али-Акрама).

Ага-Али переглянулся с Шихали, они поняли друг друга.

– Я найду убийцу, – с этими словами Шихали вышел из комнаты. За ним последовали братья.

– Пошлите за Гараханом, – сказал Ага-Али.

Гроном пронеслась весть об «убийстве» жениха. Все домочадцы кинулись на спасение души своего любимца, каждый на свой лад рассказывал, как «убили» Али-Акрама.

– Молитесь. Ради Бога молитесь, – опустившись на колени, тихо просила Марджан. Она уже не плакала. Она спокойно отдавала свою душу Господу. ОН простит ее сына. ОН с нее спросит за все грехи ее детей, ибо ОН ей их дал, и она за них в ответе перед ВСЕВЫШНИМ, и ей ответ держать. ОН великодушен!

– Господи, прости моего сына, он не виновен. Во всем виновата я, – повторяла Марджан.

Из спальни, укутанная в платок, тихо, стараясь не привлекать внимания окружающих, вышла Асли. Она села рядом с телом несостоявшегося мужа.

При виде ее Марьям почти завывала.

Асли осторожно, будто боясь причинить боль, бережно разжав пальцы Али-Акрама, взяла револьвер. Она еще раз коснулась его руки, хотела поцеловать, но не посмела.

Приехал ничего не понимающий Гарахан. Ага-Али увел его к себе. Обманывать Гарахана нельзя, да и ни к чему. Они долго говорили, затем Гарахан вошел в комнату. Наклонился к Асли и сказал: – Идем, дочка.

– Нет, отец, – возразила дочь. – Я не уйду, здесь мой дом, я жена, а точнее, вдова Али-Акрама. Мой секрет останется со мной на всю жизнь, – подумала она.

Асли подошла к Марджан ханум.

– Не прогоняйте меня, очень вас прошу, не прогоняйте.

– Будешь жить с Марьям, – ответила она, – а пока молись вместе со мной.

Гроза пригородов Баку, сильный и смелый Гарахан вышел из комнаты с низко опущенной головой.

– И зачем я ее выдал замуж, жила бы со мной, моя единственная кровинушка. А этот мальчик? Я же ему всю правду сказал. Все виноваты. Все. Не так все просто, ой не просто, – погрузившись в свои мысли, Гарахан ехал домой. Жизнь теряла для него смысл.

Глава 4

Марьям и Асли окончательно обосновались в Сураханах. Она научила Асли подводить глаза, очертила ей брови, этому всему ее мачеха, как выяснилось, не учила. Больно мачеха обидела Асли в день свадьбы, увидев ее в наряде невесты.

– Столько лет жила и не знала, что из каждой вещи может получиться невеста.

Сейчас рядом с Марьям девушка чувствовала себя человеком. Марджан к ним почти не приезжала. Ага-Али занимался поселковыми делами и следил за тем, как идет работа во дворе их старого дома, где Шихали начал вести бурение. Сам Шихали часто ездил в Кисловодск, там он встречался с Тамарой. Она была певицей и выступала под псевдонимом «Тамара Грузинская». С Тамарой он ездил в Париж, Москву, Петербург, и только в Кисловодске чувствовал себя хорошо. Часто собирая друзей, Тамара пела, а Шихали ей аккомпанировал. Она считала этот дом своим и периодически обновляла мебель, что-то отдавала, что-то приобретала. Шихали радовали ее хлопоты, и он с нежностью выполнял все капризы Тамары. В связи со смертью Али-Акрама свадьба Шихали отложилась на год, и ничто не мешало ему вести беззаботную жизнь.

Марджан ханум совершила паломничество в Хорасан, теперь ее называли Мешад-Марджан. Фатиму ханум сватали сразу с трех мест. Баба-Али и Агахан уехали в Париж. Ага-Али почти не приезжал, т. к. Шихали строил театр в Сураханах, и отец все свое свободное время следил за строительством. Во дворе дома и еще на двух участках в Балаханах пошла нефть. Шихали жил в доме, напротив которого строил новый, четырехэтажный, чтобы после свадьбы поселиться в нем с молодой женой. Дача из 48 комнат в Шувелянах была почти готова. На фасаде дачного дома красовалось имя Шихали. Он хотел, чтобы летом все собирались у него на даче. Даже для телохранителей строил отдельный дом, чуть поодаль от своего помещения для прислуги, прачечная, баня. Главным его сюрпризом для семьи – большой фруктовый сад. Самые лучшие деревья были им привезены из различных районов, а садовник Амир перед домом посадил столько цветов, что от их аромата и красоты хотелось петь.

Мешад-Марджан отправила за мужем и сыновьями слуг.

– Пусть приедут и наконец решат, за кого выдать Фатиму ханум, – нервно проговорила про себя она.

У нее был план, но без присутствия мужчин его нельзя будет осуществить. План был весьма дерзкий. Она хотела, чтобы Фатима сама сделала выбор.

– Пусть посмотрит на женихов и кто понравится, за того и пойдет, хватит, пора и нам по-другому жить. Везде ездим, в театры ходим, в европейские одежды одеваемся, а замуж по старинке выдаем.

Она заказала новую одежду для слуг, но для мальчиков на одну больше. С Фатимой она все подробно оговорила и даже отрепетировала, оставалось дожидаться приезда отца.

Шихали пришел немногим раньше отца, он был возмущен поведением Мелик-Ага.

– Опять он в карты проиграл, и телохранителя ко мне за деньгами послал. Я, конечно, дал, но больше не дам. Хватит, надоело. Под ногами золото лежит, а он дурью мается, – никак не унимался Шихали.

Мелик-Ага был страшный кутила и вечно всем насаждал.

Мать обняла сына.

– Поздравляю, еще на трех твоих участках нефть пошла, мне Андрей Павлович эту новость сообщил. А Мелик-Ага денег больше не давай. А то ведь я тебя знаю, поворчишь, а потом пожалеешь и дашь.

– А что делать, брат же. Родила бы ему Бильгеис ханум ребенка, может, и кутить перестанет, – сказал он.

Приехал Ага-Али. Он скрыл от жены, что по дороге в него стреляли, а Горхмаз, телохранитель покойного Али-Акрама, прикрыв его собой, был убит. Люди, бывшие в сопровождении Ага-Али, помчались за преследователями.

– Всегда надо быть начеку. Эти сукины дети никак не хотят угомониться, да и завистников завелась целая куча. Ну что поделаешь? Жизнь. Так уж суждено. И радость, и слезы, – думал он, удобно расположившись в кресле.

Мешад-Марджан дала распоряжение подать обед и перешла к делу.

– Вы знаете, что просят руки Фатимы ханум. Я хочу, чтобы вы пригласили к нам в гости этих молодых людей, – начала она. – После несчастья с Али-Акрамом надо быть особенно внимательными, а тем более с дочерью. Пусть придут. Поговорите с ними, посмотрите, как сидят, как говорят, а потом и решим, за кого отдавать будем.

Смелость жены всегда поражала Ага-Али, но в данном случае он не знал, что она задумала, но что-то задумала, это точно.

– Ну, что ж, – сказал Шихали. – Чем мы не шахская семья, кто будет лучшим, тому и отдадим. – Взгляды Шихали на жизнь были современны.

– Если бы разрешила семья Сарии ханум, я бы с ней давно познакомился, странно как-то, невеста, а я ее еще не видел, ну почти не видел, – вслух размышлял Шихали.

Мать строго посмотрела на сына. Мешад-Марджан знала, что Шихали при помощи знакомого преподавателя гимназии посмотрел на Сарию ханум, и она ему очень понравилась, а смотрел он на нее в замочную скважину, когда та была у доски.

После обеда всем трем женихам было сообщено, что в «пятницу в три часа дня Ага-Али хочет видеть...» Семья Ага-Али была настолько уважаема, что никому и в голову не пришло на это решение как-то не так прореагировать.

Все собрались в положенное время. Марджан продумала все до мелочей. Две смежные гостиные комнаты упирались в застекленную веранду, она предназначалась для музыкантов, а так как мужчины и женщины сидели отдельно, то музыка распространялась по обеим комнатам. Марджан велела поставить на веранду стол со всевозможными яствами. Ага-Али сидел между Шихали и Мелик-Агой. Напротив сидели Наги-бек, Гасанага и Мир-Мехти. Марджан заведомо так сдвинула кресла, чтобы молодые люди оказались лицом к веранде, в то время как Ага-Али с сыновьями спиной. Это давало возможность Фатиме, одетой в одежду слуги, увидеть лица женихов и не быть узнанной отцом и братьями. Девушка, переставляя вазы, посматривала на женихов. Марджан вошла в гостиную и поздоровалась. Все встали. Молодые люди представились (таким образом, Фатима услышала и их имена). Дело было сделано. Она подошла к мужу и спросила разрешения:

– Можно предложить угощения?

– Можно, – улыбаясь, ответил Ага-Али.

Она прошла на веранду и ушла через другую гостиную вместе с Фатимой.

– Дальнейшее сделают слуги, – довольная собой, отметила для себя Марджан.

После ухода гостей был домашний совет.

– Ну почему молчишь? Говори, кто тебе больше по сердцу пришелся, кого хочешь зятем назвать? – начал разговор Ага-Али.

– Я лучше вас послушаю, – лукаво сказала Мешад-Марджан. Ей действительно хотелось узнать мнение мужчин.

Мелик-Ага нравился Наги, они дружили с детства, вместе кутили. Шихали понравился Гасанага.

– Умный, рассудительный и глаза такие добрые, – сказал он. – Хотя и Мир-Мехти – тоже хороший парень. Да. Задача не из легких – замуж выдавать.

– Ты прав, задача трудная, – вздохнув, сказал Ага-Али. – Мне понравился Мир-Мехти – какая-то в нем надежность. Марджан ханум, что скажешь?

– Что скажешь? – подумала Марджан, ей тоже понравился Гасанага и к тому же с ним Фатима бы уехала в Петербург, а там и Айша с семьей, но Фатиме ханум так же, как и отцу...

– Да, Ага-Али, вы правы. Мир-Мехти – надежный парень, за ним она будет, как за каменной стеной.

– Гасанага был бы лучше, – почти одновременно подумали мать и сын.

Перед свадьбой все собрались у Шихали на даче.

Накануне приехали Айша с Меджидом и детьми из Петербурга, Баба-Али из Англии, куда поехал для продолжения учебы, Агахан из Парижа. Вся семья от мала до велика была в сборе. Во главе стола восседал Ага-Али, по правую руку сидела Марджан, по левую – Марьям. Глаза его блестели от радости. Сыновья, невестки, дочери, зятя, внуки.

– Дожил, и внуков увидел, – гордо сказал Ага-Али. Душу ему рвало отсутствие Амана, Шабана, Али-Акрама. Марджан вспомнила, как любил муж делать переключку, громко-громко, как будто в каждое имя хотел силу вдохнуть. Ей вспомнились былые дни, когда дети были еще маленькие, ей вспомнились погибшие сыновья и Тукезбан.

– Мои родные, как нам не хватает вас. Пусть возрадуются души ваши, – она провела салават.

– После обеда будем пить чай с вареньем, которое сварила моя доченька, – сказала Марьям.

Все одобрительно смотрели на Асли. Они давно привыкли к ее внешности, да и она тоже стала себя чувствовать спокойней, не закутывалась платком, не пряталась от окружающих и была верной спутницей Марьям, а точнее, равноправным членом семьи. Шихали был доволен, их большая и дружная семья собралась у него на даче, которую он так тщательно для нее готовил.

– Что может быть лучше и приятнее родных и близких для тебя людей?! Вот оно счастье! – он представлял, как скоро присоединится к ним его Сария ханум и, дай Бог, его дети.

Ага-Али подошел к Фатиме ханум, она была его любимицей, а после смерти Али-Акрама из-за внешней схожести, его чувства к ней стали еще бережней. Он пришел благословить дочь, но вместо необходимых слов нежно поцеловал ее в лоб и ушел. В комнату с песнями и танцами вошли родственники жениха, Марджан подошла к дочери.

– Будь счастлива. Помни, счастье в твоих собственных руках.

– Храни тебя Аллах, – сказала Марьям.

Под звуки музыки, сопровождаемой выстрелами из ружей, Фатиму ханум увезли в дом к Мир-Мехти. Ага-Али из окна своей комнаты смотрел им вслед. Впервые за его долгую жизнь из глаз покатила слеза на руку, державшую рукоятку висевшего на поясе кинжала.

– Как же я люблю вас, дети мои, – тихо произнес он.

Глава 5

Вскоре женился и Шихали. Дела его шли в гору. Нефть была ключом, он построил кожевенный завод, у него были рыбные промыслы, подрядные организации, кроме того, он был назначен председателем правления по обеспечению охраны нефтяных промыслов. Рабочие кварталы Шихали в Сураханах и Балаханах были самыми лучшими, а отряды охраны самыми грозными. Огорчало только одно: Ага-Али сильно болел. Врачи были бессильны. Андрей Павлович часами сидел у его постели.

– После моей смерти веди дела как вел. Марджан ханум одна не справится. Я счастлив, что встретил тебя, ты честный человек и прекрасный друг. Оставайся таким, – сказал Ага-Али.

– Рано о смерти говорить, – успокаивал его Андрей Павлович.

– Нет, мой хороший, уже пора, сам чувствую. Доктор Шварц что-то по-немецки Агахану говорил и головой качал. Я хоть и языка не знаю, но по выражению сына понял все, – с сильной отдышкой говорил Ага-Али. – Я счастливый. Вон каких сынов вырастил. Двое за границей живут, Баба-Али в Англии, Агахан поехал учиться в Германию, инженером будет. Мелик-Ага продолжает мое дело, а о Шихали и вовсе говорить не приходится. Дочери просто красавицы, – Ага-Али хотел было ему сказать про жен своих, особенно про Марджан, как он счастлив, что прожил свою жизнь рядом с этой женщиной, но нельзя. Это личное. Только ему принадлежащее.

Вошла Марджан. Андрей Павлович встал.

– Я принесу тебе поесть? – спросила она.

– Нет, просто посиди со мной. Андрюша уже уходит, – он взял ее за руку. Сколько несказанных слов было в этом рукопожатии...

Вечером того же дня Ага-Али скончался.

По настоянию Мешад-Марджан Ага-Али похоронили во дворе дома в Сураханах. Поселок погрузился в траур, для всех Ага-Али был отцом, защитником и покровителем. Его заботу односельчане очень ценили, он построил школу, чтобы их дети были грамотными, медицинский пункт, который они с гордостью называли «больница». Строгий до суровости, он всегда мог выслушать и помочь. Можно ли перечислить благие дела отца? Отец, он и есть отец, и этим все сказано. Три дня давали эйсан. На четвертый день Марджан позвала детей.

– Прошу вас, – начала она. – Вы сделали все необходимое, оставаться здесь 40 дней нет надобности. Идите по своим делам. Душа вашего отца воссоединилась с душами ваших братьев. Наши родные всегда с нами. Ага-Али – счастливый человек, он ушел из жизни на плечах своих сыновей. Это дано не каждому. Я еще раз выражаю вам свое соболезнование. Идите, приедете на сороковины.

Она обняла своих сыновей, дочерей, зятьев и ушла, скрывая слезы, в ее жизни начинался новый этап. Этап вдовы.

– Нет, Марджан, ты сильная, ты не сдашься, – повторяла она сама себе.

Все разъехались. Наступила ночь. Марджан ханум начала одеваться. Никто, кроме ее слуги, не знал, что она ночью с двумя сторожевыми псами охраняет могилу мужа. Взяв ружье Ага-Али, она командовала слуге:

– Пошли. Эти мерзавцы не смогли его убить, могут осквернить могилу, пошли.

Так прошли 40 дней, а точнее, 40 ночей. Наутро после сороковин она сообщила о своем решении перезахоронить Ага-Али.

– С духовенством я уже договорилась. На все воля Божья.

Шихали выделил матери шестерых смельчаков из своей охраны. Марджан велела завернуть останки мужа в ковер и отправилась в путь. Куда она едет, знал только Шихали.

И поныне покоится тело Ага-Али на старом кладбище в далеком от дома Хорасане.

Мелик-Ага проигрывал, ему явно не везло. После очередного проигрыша он послал телохранителя к Шихали домой. Шихали вместе с Сарией ханум были в гостях у своих друзей. Не застав их, телохранитель вернулся в казино. Мелик-Ага нервничал, он хотел отыграться.

– Пойдемте, – упрасивал его телохранитель, – отыграетесь в следующий раз.

Но Мелик-Ага уходить не собирался. Он никогда ни у кого не одалживал денег, кроме Шихали, а сегодня...

Мелик-Ага подошел к сидевшему в дали зала давнему знакомому отца, которого тоже хорошо знал.

– Прошу вас, – начал немного смутившись. – Не могли ли вы, уважаемый Лютви-бек, одолжить мне немного денег? Утром верну. Слово чести.

Лютви-бек улыбнулся: – Нет, сынок, нету денег, прости. Хоть умри, денег нет.

Мелик-Ага, извинившись, отошел. Немного посидев и выпив бокал вина, решил было уйти, как вдруг увидел как Лютви-бек отсчитывает деньги своему племяннику. Кровь ударила в голову Мелик-Аге.

– Мне? Мне хоть умри!? – с этими словами он подошел к Лютви-беку. – Умри сам, сукин сын. Никто не смеет надо мной насмехаться.

Он одним выстрелом уложил обидчика и хладнокровно пошел к выходу. Растерявшийся телохранитель побежал за ним. Такое в казино было впервые (позже все будут оставлять свои пистолеты и кинжалы на хранение служителям казино). Тишину и шок, в котором находились завсегдатаи казино, оглушил крик племянника Лютви-бека. Мелик-Ага скрылся в неизвестном направлении вместе с телохранителем.

Шихали и Сария ханум вернулись поздно. Инженер-нефтяник Беленький давно дружил с Шихали, подружился и жены. К Беленьким, Дружининым, Шварцам Сария ханум одевалась, как принято было говорить, в европейском стиле. У нее было много таких нарядов. Радость ей доставляли ее наряды при выходе в театр и на благотворительные вечера. В этих нарядах она становилась еще краше, она была светлицей, светлоглазой и очень высокой. Когда Сария ханум стояла рядом с Шихали, то была ему «по бровь». Ее светлые, почти пшеничные волосы, уложенные в красивую прическу по современной моде, придавали ее лицу особую обаятельность. Ага-Али был прав, они были прекрасной парой. У Шихали было много друзей среди русских, евреев, немцев. Сария ханум любила друзей своего мужа, она любила ту новую жизнь, в которую он ее ввел. Придя домой, они обменивались впечатлениями о проведенном вечере. Сария лежала на диване, удобно положив голову на колени мужа. Она была в положении и мечтала подарить ему сына. В парадную дверь позвонили. Швейцар открыл. На пороге стоял пристав с двумя жандармами. Шихали вышел им навстречу, Сария ханум осталась в комнате.

– Где ваш брат? Он только что убил человека, – обратился пристав.

– Я не знаю, но сейчас постараюсь выяснить, – ответил Шихали.

– Вам придется пройти с нами. Одевайтесь.

Шихали прошел в комнату. Сария ханум плакала.

– Не волнуйся, все образуется. Позвони Андрею Павловичу, – поцеловав жену, ушел в сопровождении жандармов и пристава.

Утром все собрались в доме Шихали. Беленький узнал, что мало того, что Шихали подозревают в сокрытии брата, но и в убийстве. Шихали тоже иногда посещал казино и с пьяных глаз кому-то показалось, что это был он. Спутать Шихали с Мелик-Агой было невозможно. Мелик-Ага был ниже ростом, голубоглазым, белолицым, с каштановыми усами. Он больше всех был похож на отца, только ростом от него отличался.

Два дня Андрей Павлович вместе с Вульфом, адвокатом Шихали, обивали пороги высоких чиновников, им помогали Мухтар-бек, Искендер-бек, Сафарали-бек, Таги-бек и многие другие друзья Шихали. Немалых трудов Вульфу стоило доказать, что во время убийства Дру-

жинин (капитан Каспийской военной флотилии) и Шихали вместе с семьями были у Беленых. Обвинение по поводу убийства было снято, но освободить из-под стражи Шихали не удалось.

– Пусть скажет, где брат, а пока будет сидеть, – сказал полицмейстер.

Он прекрасно знал, что это беззаконие, но ему очень хотелось выслужиться, а особенно перед семьей Лютви-бека, которая ему сулила большую сумму за поимку Мелик-Ага, и он с легкостью пошел на это.

Пришла Марджан ханум, она обошла всех друзей и знакомых, действительно никто не знал, где Мелик-Ага, может, в Иране, может, еще куда подался. Был бы поблизости, узнал бы о произошедшем и, конечно, бы, сдался властям, трусом он не был и за спины не прятался.

– Точно где-то далеко, – подумала Марджан ханум. Мысли путались.

– Что делать? Как восстановить справедливость?

Немного поговорив с Сарией и Вульфом, она ушла домой. Всю ночь Марджан ханум ходила из угла в угол, а утром собралась в дорогу.

– К Царю поеду. К Николаю в ноги брошусь, – сказала она Марьям. – Ты поезжай в Сураханы и Асли с собой заberi. Прошу, никому ни слова. Все будут думать, что мы вместе уехали, да и сейчас не до нас. Бедная Сария ханум убивается, а уж Шихали какво. Кто виноват, тот и отвечать должен, – глубоко вздохнула и вышла из дома. За ней вышел слуга с дорожной сумкой. Под юбкой, привязанный к ноге, лежал револьвер, она его взяла «на всякий случай, дорога длинная».

Благополучно добравшись до Петербурга, Марджан взяла извозчика и, показав адрес на конверте, направилась к дому Айши и Меджида. Айша была растеряна, всегда спокойная и выдержанная Марджан, не поздоровавшись, стала рассказывать о беде, которая произошла с Шихали.

– Времени терять нельзя, каждый день, проведенный Шихали в тюрьме, смерти подобен, он этого не заслужил, он не виновен.

Айше казалось, что у матери сейчас лопнет сердце, а у нее самой в голове ничего не укладывалось. Вся в слезах она позвонила Меджиду и коротко сказала:

– Приезжай домой, у нас Мешад-Марджан.

Меджид не заставил себя долго ждать.

– Сынок, – начала Марджан. – Мне нужно найти сына Гаджи Гаджи-Аги, Ага-Юсифа. Он действительный статский советник. Я должна его видеть. Ага-Юсиф знает нашу семью и хорошо знаком с Шихали. Я должна попасть на прием к Николаю.

Меджид раскланялся и ушел. Немного успокоившись, Марджан села на диван, где тихо сидели внуки. Она прижалась к ним. Айша подошла к матери, поцеловала ее и села рядом. Мысли Марджан были далеко. Айша вдыхала аромат материнских духов и, несмотря на то, что была очень огорчена произошедшим, на плече у матери чувствовала себя счастливо и комфортно.

– Как же я по тебе соскучилась, мама, – сказала Айша.

– Я тоже соскучилась, ты извини, что я так свалилась на голову, но что поделаться... – Марджан вздохнула. А ведь и вправду, почему после замужества Айши я ни разу не приехала? Все дела, дела..., горько подумала Марджан и еще крепче прижалась к дочери и внукам.

Вечером пришел Меджид.

– Собирайтесь, вас ждет Ага-Юсиф бек. Он поможет вам.

– Хвала Всевышнему, – сказала Мешад-Марджан и пошла переодеваться.

На прием к Николаю II! Царю-Батюшке! К Императору! Да! Эта хрупкая, азербайджанская женщина. Мать. Марджан ханум это сделала. Каких трудов и просьб ей это стоило. Сколько порогов и препятствий она преодолела. Ведомо было только ей. Главное – она попала

на прием к Николаю. Марджан ханум упала к ногам Николая II. Все объяснила. Оба ее сына! Арестован невинный. Она не просила пощады, она требовала справедливости.

– Езжай домой, мать. Пока доберешься, сын твой дома будет, – всю обратную дорогу эти слова Царя ласкали ее слух. Под мерный стук колес она вспоминала подробности встречи с Николаем.

Из приказа Николая II: «Шихали Ага-Али оглу из-под стражи отпустить. За нарушения законов правосудия, что позорит честь российского мундира, наказывать будем строго».

Шихали действительно был дома раньше Марджан ханум. Она приехала, прижалась к груди сына.

– А с Мелик-Ага я еще разберусь, – в сердцах подумала Марджан. – Не переживай, Сария. Главное – Шихали дома, а детей ты ему еще родишь, – сказала она, успокаивая невестку, у которой, как она узнала, случился выкидыш.

Немного перекусив с дороги, она уехала в Сураханы, ей хотелось отдохнуть в тишине старого дома.

Через месяц Мелик-Ага объявился. Конечно же, он ничего не знал, он и представить не мог, что заберут Шихали.

– Сукины дети, – ругался Мелик-Ага. – Это все родственники Лютви-бека, ничего, я им еще надаю. Жаль, что полицмейстер уехал обратно в Россию, я бы ему показал правосудие. Подонков надо казнить. Мать их.

Он сам пришел к новому полицмейстеру и все рассказал, как было. Ему дали три года. Шихали взял ему лучших адвокатов. Дело было представлено как убийство во время ссоры, а зачинщиком был сам убитый.

Глава 6

Шихали сидел в гостиной с известным педиатром доктором Гиндусом. Доктор Шварц и «мамачи», как в те годы называли акушерок, Берта хлопотали над Сарией ханум.

– У вас сын, – сказал доктор Шварц, войдя в гостиную. – Поздравляю вас. Через полчаса вы сможете его увидеть, а пока доктор Гиндус пусть осмотрит малыша.

Они ушли.

Шихали с минуту помолчал, затем, приподняв руки вверх, сказал:

– Хвала Всевышнему! Я так мечтал о сыне!

Он позвонил матери, трубку взяла Айша, она как всегда приехала на все лето отдохнуть на даче, а сейчас была в городе, так как все с нетерпением ждали появления первенца Шихали.

– Можешь взять с Мешад-Марджан муштулуг, у меня сын родился, – сообщил Шихали.

Айша побежала к матери и Фатиме.

– У Шихали сын! У Шихали сын! – кричала она.

Марджан и Фатима, напевая и воздавая хвалу Всевышнему, пританцовывали. Меджид с Мир-Мехти поехали домой к Шихали, предварительно дав распоряжения одному из своих телохранителей, чтобы новость сообщили Марьям и всем родным, находящимся на даче в Шувелянах.

Шихали вошел в комнату к Сарие ханум. Доктор Гиндус передал ребенка Шихали и вышел в сопровождении Берты и Шварца.

– Господи, какая кроха! Мой сын!

Шихали подошел к Сарие ханум. Бережно положив мальчика рядом с ней, нежно поцеловал жену.

– Спасибо. Спасибо за это чудо. Ты принесла мне счастье.

Сария ханум улыбалась. Сбылась ее мечта, она подарила ему сына. Рядом посапывал малыш.

Шихали отдал распоряжение, чтобы порезали целое стадо овец и раздали в Сураханах и в первую очередь бедным. Рабочим своего квартала он послал дополнительно масло и рис. Три дня в театре, построенном Шихали, давали концерт. Поселок ликовал.

Обе гостиные были полные. Музыка, песни, всеобщее веселье. Друзья радовались не меньше родных. Шихали делал именины сыну, он назвал своего первенца Али-Ага. Сария ханум сияла от счастья, за эти два месяца никто ее не улыбающуюся не видел, она, как ей казалось, улыбалась даже во сне. Гости буквально забросали ее и младенца подарками. Шихали подарил ей бриллиантовое кольцо. Огромный в 10 карат бриллиант по-середине, от которого в разные стороны до самой застежки по мере уменьшения шли бриллианты, на застежке был камень в один карат, он был самым маленьким в этом колье. Шихали завел ее в кабинет.

– Мы с тобой никогда не танцевали вместе, давай потанцуем сейчас, – он открыл дверь кабинета. Музыка была хорошо слышна. Они танцевали и у их ног был мир.

Сария ханум была прекрасной хозяйкой, она обладала необыкновенным вкусом. В доме царили уют и царская красота. Она так украсила свою с Шихали спальную, что однажды он, не выдержав и попросив извинение у друзей, показал ее. Гости стояли с раскрытыми ртами. Шелковый балдахин над кроватью. Покрывало, вышитое шелковыми нитками и кружевами, в тон им соответственно занавеси.

– Все это сделано руками Сарии ханум, – с гордостью сказал Шихали.

Наутро жены друзей тоже попросили у нее разрешения прийти и посмотреть на ее работу, так расхваливаемую их мужьями.

– Шихали, ты ставишь меня в неловкое положение, – кокетливо сказала Сария ханум.

– Ну почему же!?! Пусть все знают, какая у Шихали жена, – ответил он.
Они по-настоящему были счастливы.

Шихали встал и, прикрыв ставни, чтобы лучи солнца не будили Сарию ханум, вышел. Навстречу ему шла кормилица, неся маленького Али-Агу. Малыш начинал ерзать.

– Доброе утро, хозяин, – сказала она. – Что барыня? Кормить будет?

– Я думаю, нет. Пусть еще немного поспит, – Шихали пощекотал сына, но тот уже терял терпение. – Иди, а то он сейчас ее разбудит.

Они ушли, а он прошел в кабинет. У него сегодня был день приема. Он всегда любил просматривать бумаги с раннего утра. Подрядные организации Шихали были самыми лучшими. А недавно еще 12 буровых дали нефть. Он был самым молодым нефтепромышленником, ему было 32 года. Среди бумаг он увидел письмо Тамары. Она сообщала, что «едет на Воды». Шихали улыбнулся.

– Ну что ж. На Воды, значит, на Воды. В субботу уеду.

В столовой, где они обычно обедали, воцарилась тишина.

Сария ханум была недовольна внезапным решением мужа.

Повар подал второе блюдо и удалился.

– Надолго? – спросила она.

– Я думаю, на неделю, в крайнем случае, на дней десять. Не скучай. Я заказал новое белье нам, даже малышу, с инициалами. От ночных колпаков до носовых платков. А два новых платья, которые я тебе из Парижа выписал и по последней моде шуба со шляпой и муфтой уже в пути. До самого моего приезда едва успеешь с обновками разобраться.

Она улыбнулась: – Как раз завтра придет сапожник с новой обувью, так я и сапожки закажу.

Мило побеседовав, она ушла спать, а он поехал в казино немного развлечься с друзьями.

Глава 7

... – Николай отрекся от престола, – сокрушалась Марджан ханум. – Что теперь будет? Что?

Ей было действительно страшно не по себе. Она намного себя хорошо и уверенней чувствовала при царской власти.

– Вот сейчас всякие сукины дети разбушуются, – говорила она Марьям.

Асли тихо сидела в углу. Ей никакого дела не было ни до Николая, ни до его отрешения, она скорбила по недавно умершему отцу. Умирая, Гарахан подарил ей свой маленький с размером в палец Коран. Она сжимала его. Нахлынули воспоминания о доме. Асли казалось, что прошла вечность с момента ее замужества.

– Как-то странно сложилась жизнь моей семьи, очень странно, – размышляла она. – Ведь для чего-то мы пришли на этот свет? Но для чего? Непонятно, – глубоко вздохнула, погружившись в свои мысли.

В комнату вошла Бильгеис ханум, жена Мелик-Ага, она тоже жила в Сураханах, но обосновалась в новом доме, который построил муж незадолго до ареста, и сейчас зашла к Марджан ханум.

– У меня весточка от вашего сына, – сказала она, протянув записку, привезенную слугой, который повез передачу в тюрьму, удобно расположилась рядом с Марджан ханум. Мелик-Ага сообщал, что жив, здоров и очень соскучился. Благодарил за внимание, которое ему оказывает вся семья. Марджан прослезилась. Она очень скучала.

– Разве это жизнь, – и огорченно продолжила. – Ну куда это годится? При стольких детях сию одну.

– Почему одна? – сказала, засмеявшись, Фатима ханум, она только приехала из Забрата и услышала возмущение матери. – Разве мы допустим, чтобы ты оставалась одна? Посмотри, сколько нас!

В дверях стояли ее дети, муж и жена Мир-Аббаса (брата Мир-Мехти) Хавер с детьми. Все они приехали проведать своих милых мам Марджан ханум и Марьям ханум, которые в последнее время не выезжали из Сураханов. В своем добром старом доме им было комфортно. Здесь царил дух их молодости. Здесь их согревали теплом воспоминания о Ага-Али. Слуги забежали. Дети собрались вокруг Асли, она всегда их завораживала всякими рассказами о сказочных принцах и заколдованных красавицах. Женщины расположились в гостиной. Мир-Мехти тихо беседовал с Марджан. Ему доставляло большое удовольствие общаться с ней. Она много знала, ее советы ему помогали и не раз. За обедом Фатима сказала, что они скоро окончательно переедут жить в Забрат, так как там ее муж скупил много пахотных земель и их дом, недалеко от дома Мир-Аббаса, уже готов. Она дружила с Хавер, и такое соседство ее радовало.

– Я рада за вас. Чем нужно, мы поможем. Обязательно сделайте пристройку для телохранителей и их семей. Так мне будет спокойней, – сказала Марджан ханум.

Баба-Али написал Шихали, что скоро приедет. Шихали обрадовался. Ему очень не хватало братьев, хотя Меджида и Мир-Мехти он любил не меньше. Марьям всем уши прожужжала, что нашла ему невесту «краше солнца». Сарие ханум она понравилась, а вот Марджан нет.

– Слишком худая и смотрит как-то свысока.

Агахан в последнем письме признался Шихали, что влюбился в дочь осетинского князя Марию, с которой познакомился на свадьбе своего друга Руслана.

– Чем кончатся их отношения, не знаю. Вряд ли чем-то хорошим, – подумал Шихали. Его беспокоило молчание Айши. – Надо было мне ее здесь оставить. Слишком беспокойно

в Петербурге. А впрочем, и здесь что-то непонятное творится, – мысли путались. Трудно быть главой такого большого семейства, – в сердцах подумал Шихали.

Баба-Али женился почти сразу после приезда, т.к. девушку, которую ему пророчили, видел в Париже, она с двумя братьями и родителями была там, и они с Агаханом часто прогуливались вместе с их семьей. Лучшего и ожидать нельзя. Он вместе с женой поселился в доме отца, но мысль об отъезде в Англию его не оставляла. Бегим ханум тоже мечтала о жизни за границей, и это их с Баба-Али еще больше объединяло. Агахан думал о Марие. Он перед приездом в Баку говорил с Русланом. Они были давние друзья и учились вместе в Париже, а затем в Германии. Отец его тоже хорошо относился к Агахану, и оба они не имели ничего против его брака с Марией, но мать была категорически против. У нее были свои виды на дочь. Руслан не ладил с матерью. Она и ему много крови попортила, когда он женился на Елене, ему пришлось долго и терпеливо упрашивать мать, пока наконец она дала свое благословение. После свадьбы отношения у него с матерью еще больше натянулись, причем настолько, что он решил открыть свою контору по строительству в Германии или уехать в Петербург. Домой ни он, ни его жена ехать не хотели. Агахан все дни напролет либо писал письма, либо читал письма, все остальное его как будто не касалось.

– К вам гость, – сказал слуга.

– Руслан! – воскликнул Агахан. – Какой ты молодец.

– Был бы молодец, успел бы на свадьбу Баба-Али, – хмыкнул Руслан.

Друзья обнялись. В комнату вошел Баба-Али, он был страшно рад встрече. Они долго беседовали. Затем поехали к Шихали, Агахан давно хотел познакомить своего друга с братом.

Шихали говорил с Мелик-Агой, которого выпустили накануне свадьбы Баба-Али. Братья встретились, и дом наполнился звучными мужскими голосами и смехом.

– Вот это действительно радость, – подумал Шихали. – Как хорошо, когда все вместе.

Сария вошла и поздоровалась с гостями, она была беременна. Мужчины встали и уважительно поклонились. Глаза Шихали блеснули, он предложил всем перейти в гостиную. В разговоре они не заметили, как пролетело время. Когда гости ушли, Сария стала рассказывать, как она ведет подготовку к наступающему празднику Новруз. Шихали смеялся:

– До праздника почти месяц, а ты уже ведешь подготовку.

– Все надо продумать, – парировала она.

– Все, что надо, Ханум, выполню беспрекословно, – сказал Шихали. – Пойдем спать.

Глава 8

Неожиданные выстрелы на рассвете разбудили Фатиму.

– Это у брата, – воскликнул Мир-Мехти.

Полуодетый он выскочил из дома. Вскочив на коня, помчался к дому Мир-Аббаса. Он увидел, как один из всадников взвалил на спину коня отбивающуюся Хавер, а двое других поджигали дом, изнутри которого доносились детские голоса. Мир-Мехти выстрелил. Между подросшим телохранителем Мир-Мехти и поджигателями завязалась перестрелка. Мир-Мехти поскакал за всадником, похитившим Хавер. Пуля Мир-Мехти догнала похитителя, лошадь встала на дыбы, Хавер и Хент упали. Мир-Мехти спешил и подбежал к Хавер. Она была страшно испугана.

– Они напали на нас. Они убили его. Где дети, что с ними?

Мир-Мехти старался ее успокоить. Хент был ранен и, придя в себя после падения, выстрелил, ранив Мир-Мехти в бедро. Мир-Мехти выстрелом в голову убил Хента. Лошади, испуганные перестрелкой, умчались. Хавер бежала по направлению к дому. Почти вприпрыжку, не поспевая за ней, шел Мир-Мехти. Вдруг из-за кустов выскочил Гурген. Зверства Хента и Гургена были известны всем. Его налитые кровью глаза предвкушали звериную радость при виде жертвы. Он сбил с ног Хавер, она с криком упала и отчаянно сопротивлялась. Гурген начал душить ее. Подбежавший Мир-Мехти изо всех сил ударил кинжалом Гургена, но Хавер была уже задушена им. Мир-Мехти поднял ее безжизненное тело и понес. Рана его кровоточила.

– Я сильный, я дойду, – повторял он сам себе. Даже мертвую жену брата он не хотел оставлять. – Я донесу. Это мой долг.

Фатима причитала над умирающей Надеждой Ивановной, которая вместе с ней прибежала на помощь несчастным детям Хавер. Ее привезла Айша и Наденька, как ласково называли ее все домашние, осталась жить у Фатимы ханум. Неподалеку стояли Иса и Муса – сыновья Мир-Аббаса и Хавер. Они смотрели на тела отца, дяди Исмаила (телохранителя Мир-Мехти), четырех слуг, месячного Мурсала и его нянечки. Все они были убиты людьми Гургена и Хента, которых называли псами, ибо ничего людского в них не было.

– Что и почему? – вот единственный вопрос, который стоял в этих детских глазах.

Рядом ползал годовалый Фархад. Фатима вместе с Наденькой успели вытащить детей из пылающего дома. Надежда Ивановна прикрыла собой Фархада от падающей балки и умерла на руках Фатимы.

Силы были на исходе, окровавленная штанина прилипла к ноге и еще больше мешала идти, в глазах мутнело, Мир-Мехти чувствовал, как холодеет тело Хавер, и этот холод уже овладевал им. Показался дым. Сквозь мутную завесу глаз он увидел до боли знакомую фигуру.

Фатима издали заметила его.

– Живой, живой, – с криком она бежала к нему навстречу.

За ней бежали дети и слуги. Падая, Мир-Мехти передал тело Хавер слуге. Дети, упав на тело матери, стали громко навзрыд плакать. Фатима обнимала мужа.

– Живой. Мой родной. Сейчас я перевяжу твою рану.

Мир-Мехти крепко сжимал руку Фатимы. Ее голос становился все отдаленнее и отдаленнее.

– Не уходи, Фатима, куда ты? Не уходи, – бескровными губами шептал он.

– Я здесь, я здесь, – говорила ничего не понимающая Фатима, крепко прижимая его к себе.

– Фатима, – вместе с последним вздохом сказал Мир-Мехти.

Она почувствовала, как волосы на ее голове приподнялись и... зашевелились. Крик оглушил всю округу. Это был крик отчаяния и боли. Крик молодой женщины, вмиг потерявшей все: и любовь, и благополучие.

Похоронить погибших хотели на одном кладбище, но духовенство было против.

– Значит, погибнуть они вместе могли, а предать земле надо на разных кладбищах? – возмущалась Марджан ханум.

Священник так же, как и мулла, был против.

– Мы как-то с женой шли дорогой на могилу моей матери. В конце дороги растет чинар, он как бы объединяет оба кладбища – христианское и мусульманское, там можно их всех похоронить, – подсказал Андрей Павлович.

Все облегченно вздохнули. Им не хотелось разлучать этих верных и отчаянных людей, погибших от рук негодяев. Их похоронили рядом, соблюдая оба обряда. Над ними гордо возвышался старый чинар. Могила Надежды Ивановны была ближе к христианскому, а могилы остальных ближе к мусульманскому. Чинар левой кроной, как рукой, обнимал Наденьку, а правой – Мир-Мехти, семью его брата и всех, кто погиб вместе с ними.

На третий день, придя на кладбище, люди увидели скамейку у их могил. Ее сделали священник и мулла. В этом была большая мудрость: «Посиди, прохожий, и призадумайся над тем, как надо жить».

Глава 9

– Дашнаки совсем разбушевались, – возмущенно говорил на совете Шихали. – Крушат дома, устраивают поджоги. Причем не щадят и армян, тем самым еще больше создают обстановку взаимной ненависти.

– Надо принимать меры, – выкрикивали с мест.

– Я считаю, что необходимо выступить против них не стихийно и разрозненно, а сообща. Шихали поддержали.

Были созданы отряды по борьбе с дашнаками и их прихвостнями. Шихали возглавил один из них. Баба-Али, Агахан и гостивший еще у них Руслан вошли в отряд Мелик-Ага. Приехавший на похороны Меджид вошел в отряд Шихали. Братья плечом к плечу пошли защищать свою истекающую кровью землю. Дружинин и Беленький прятали у себя их жен и детей. Это было не безопасно. Но друзья есть друзья, и страх в этом случае отступает.

Дом Марджан ханум напоминал крепость. Во дворе сидели как азербайджанцы, так и армяне. Дашнаки действительно убивали и тех, и других, и тем самым разжигали страсти. Больше всего страдали рабочие и беднота. Около семидесяти человек, среди которых были женщины и дети, сидели, прижавшись друг к другу, и молчали. Двор был окутан страшной тишиной. К дому подъехали всадники, Сеид-бек потребовал выдачи армян. Марджан ханум вышла к нему.

– Я знаю, вы прячете армян. Прошу вас, отдайте их мне, вы же знаете, что эти сукины дети сделали с моим братом.

Да, Марджан знала, что брат Сеид-бека Гусейн дружил с Манучаром. Зависть не давала покоя Манучару, слишком уважаемым и богатым становился Гусейн. На свадьбе своего племянника он устроил заговор. Открыто пойти на убийство он не мог, потому что всегда слыл трусом. Лично приехав за «другом», привез его на свадьбу. Друзья немного посидели, выпили, Манучар заказал зажигательную музыку и пригласил Гусейна и еще несколько товарищей потанцевать. Вытолкнув Гусейна на середину, армяне плотным кольцом окружили его в танце. Несколькими ударами ножа они убили его. Прижимаясь друг к другу, они вынесли тело Гусейна и хладнокровно сбросили в колодец.

– Ты же нашел и убил всех, – сказала Марджан ханум. – Ты отомстил за брата, чего же еще.

– Я не могу себя считать отомщенным, пока жив хоть один армянин, – возбужденно говорил Сеид-бек.

– Эти несчастные ни в чем не виноваты, войти в мой дом ты сможешь только через мой труп.

– Если бы ты не была женщиной, я бы с тобой не так поговорил, – расвирепел Сеид-бек.

– Вот и хорошо, ты мужчина, иди и дерись с вооруженными армянами, а этим несчастным уже от своих досталось. Храни тебя Господь, – сказала Марджан.

В это время приехал Агахан, он привез раненого Баба-Али. Андрей Павлович, все время находившийся рядом с Марджан ханум, побежал за доктором. Двор Шварца был похож на двор Марджан, с той только разницей, что везде лежали раненые и окровавленные люди, и стон их раздавался со всех уголков двора. Азербайджанцам и армянам Шварц и его помощники оказывали одинаковое внимание. И что было самым удивительным, что и те, и другие были заняты только своими страданиями и болью, не замечая, что лежат рядом друг с другом во дворе у доктора. Шварц старался облегчить состояние Самвела, рана которого была смертельной, и он доживал свои последние часы, когда к нему подошел Андрей Павлович.

– Баба-Али тяжело ранен, я приехал за вами.

Андрей Павлович узнал Самвела, они с Агаханом были друзья детства. Шварц поручил Вере часто смачивать губы раненого и пошел за инструментами.

Самвел обратился к Андрею Павловичу:

– Как Агахан? Живой? Знаете, мне очень стыдно за все происходящее. Они защищают свою землю. А мы? Что делаем мы? Все мы игрушки в чьих-то руках.

Доктор, уходя, подошел к Самвелу.

– Идите, доктор, там вы нужней, я знаю, что умираю, – в его глазах была горечь.

Азербайджанцы знали, за что они погибают, а вот за что гибнут армяне, здесь на чужой земле, не давая покоя ни себе, ни тем, которым принадлежат этот город и эта земля.

Шварц перевязал раны Баба-Али и, немного посидев, отправился домой в сопровождении Андрея Павловича.

– Как вам нравится!? Марджан ханум сберегла столько семей от кровавой расправы, – сказал Андрей Павлович.

– Сколько лет ее знаю, не перестаю восхищаться. Вот это женщина! Она может сделать то, что не каждому мужчине под силу, – сказал доктор.

– На чьей стороне ваши симпатии, доктор, если не секрет? – спросил Андрей Павлович.

– Вы знаете, дело не в симпатии. Дело в том, что нельзя платить черной неблагодарностью детям за добродетель дедов и отцов. Ведь когда-то бежавших от турков армян приютили на своей земле азербайджанцы. Где же благодарность? – он вздохнул.

– И почему люди не хотят мирно жить? В России Царь-Батюшка мешал, здесь армяне, точнее, дашнаки воду мутят, революционеры сами не знают, чего хотят, а точнее, все хотят. Вот придут и возьмут все, что годами трудом и потом наработано. Все говорят о справедливости. А что такое справедливость, сами не знают, – Андрей Павлович замолчал, погрузившись в свои мысли.

Кровопролитные мартовские события принесли много горя и страдания.

Жизнь постепенно входила в свое прежнее русло. Баба-Али выздоравливал. Все собрались в доме у Марджан ханум. Позже всех приехала Фатима, ей было трудно собираться в город с таким количеством детей. Своих четверо, да еще дети Хавер. Комната заполнилась детскими голосами. Фархад мирно спал на руках у Фатимы. Бильгеис ханум взяла из ее рук малыша, Мелик-Ага подошел к жене. Оба они с такой любовью разглядывали его, что у окружающих навернулись на глаза слезы. Малыш уткнулся носом в грудь Бильгеис и причмокивая, чему-то улыбался.

– Давай отдадим его им, они будут хорошими родителями и их жизнь наполнится смыслом, – сказала Марджан ханум дочери.

Все смотрели на Фатиму ханум. Она молчала. Муса и Иса играли с детьми в столовой.

– Мы будем беречь его, как зеницу ока, – сказал сестре Мелик-Ага.

Бильгеис смотрела на нее молящими глазами. Фатима позвала Мусу, он был старшим, и у него, как ей казалось, надо взять разрешение на этот шаг.

– Мелик-Ага хочет усыновить Фархада. Как ты на это смотришь?

– Хорошо. Пусть хотя бы у него будут мать и отец. Он никогда не узнает правды, он не видел того ужаса, который видели мы, – глаза мальчика наполнились слезами, он старался сдержать их, но не смог.

В комнате воцарилась тишина.

– Как ты повзрослел, мальчик мой, – прижимая его к себе, сказала Фатима ханум. – Я постараюсь залечить ваши раны. Очень постараюсь.

Лето выдалось жарким.

Как всегда, все переехали на дачу.

Жизнь продолжалась.

У Сарии ханум и Шихали родился второй сын. Бегим ханум ждала ребенка. Все опекали Фатиму, а точнее, ее многодетную семью. Мелик-Ага очень изменился после усыновления Фархада, стал больше бывать дома. Бильгеис ханум это очень радовало. Баба-Али совсем выздоровел. Агахан поехал к Руслану, который после участия в боях против армян помирился с матерью. Слишком много горя он увидел здесь и познал дружбу, в лучшем ее проявлении, после чего понял, как дорог отчий дом.

Глава 10

Агахан вновь затеял разговор о женитьбе.

Отец Руслана был в Петербурге, а мать вместе с дочерью уехали за покупками.

Елена считала, что мешать влюбленным грех и что они с Русланом должны помочь молодым, но как, не знал никто из них. Агахан хотел поговорить с Евгенией Владимировной, но она не дала ему этой возможности.

– Что делать, Руслан, я так больше не могу. Может Шихали приехать и поговорить с ней и князем? – Агахан начинал терять надежду, и это его очень огорчало.

– Отец согласен, он любит тебя. Я тоже согласен, но мама и слышать не хочет о вашей женитьбе, – Руслан нервничал, он знал, что сестра любит Агахана и не выйдет замуж ни за кого другого.

Агахан вечером после прогулки сидел в гостиной и ждал Марию. Мария вошла. Агахан, улыбаясь, почти выскочил ей навстречу. Сердце его замирало, а потом начинало колотиться с бешеной силой при каждой встрече с ней.

– Боже, как я люблю тебя!

Он поцеловал ее.

Девушка смутилась.

– Могут войти, бек, – немного отстранив Агахана, сказала Мария.

И действительно в эту минуту вошла Евгения Владимировна. Она была очень взволнована, только что ей сообщили, что ее племянник похитил девушку и их ищут.

Глаза влюбленных встретились. Этот взгляд был крепче поцелуя. Внезапно они все поняли и все решили. Весь день Агахан находился в прекрасном расположении духа. Вечером сообщил о своем отъезде и уехал. Мария рассказала Елене о том, что Агахан заказал портному черкеску для своего «племянника». Елена все поняла.

– Как только принесут заказ Агахана, отнеси в мою комнату незамедлительно, – в голосе у Елены всегда почему-то звучала какая-то властность, когда она давала распоряжения слугам. Наверное, она этим хотела показать, что, несмотря ни на что, является тоже хозяйкой этого дома. Не прошли обида на свекровь и ее нежелание видеть в ней жену сына.

– Наконец-то мы с Агаханом будем вместе, – радостно думала Мария.

Вернувшись домой, Агахан рассказал Баба-Али о своем решении.

– Надо все рассказать Шихали, без него принять такое решение нельзя, – сказал Баба-Али.

Он уже собирался уезжать в Англию, там его с нетерпением ждал друг, с которым они планировали большие коммерческие дела.

– Нет. Лучше пусть будет все неожиданно для всех, так лучше. Если вдруг что-то случится, то буду в ответе один я, – волновался Агахан.

После стольких испытаний и крови ему не хотелось, чтобы его семья и за него несла какую-то ответственность.

– Похитить дочь осетинского князя – дело серьезное, даже если это происходит с его согласия, – Агахан вздохнул и вышел из комнаты.

Баба-Али все же решил сказать обо всем Шихали.

– Он поймет и будет держать все в секрете, – вздохнул и пошел собирать свои вещи.

Шихали действительно все понял.

– Если они любят друг друга, никто не вправе им мешать, – размышлял он, сидя в своем любимом кресле.

Пришла депеша: «Ваш заказ готов, можете забирать. Елена».

Агахан поехал к матери в Сураханы.

– Благословите меня, – с порога сказал он.

Женщины выбежали ему навстречу. Марджан ханум, немного прищурившись, спросила:

– В этом замешана женщина?

– Какая женщина? Просто я тоже решил уехать, у меня дела там серьезные. Глядишь, и я скоро миллионером стану.

– А то ты нищий!?! – удивилась Марьям. – Проказник, небось нашел какую-то иностранку?

Агахан засмеялся.

– Вашими устами да мед пить. Говорю, благословите на благие дела, – не сдавался Агахан.

– Я никогда никого не благословляла, – сказала Асли. – А сейчас благословляю тебя и желаю счастья, – немного помедлив, добавила. – Во всем. Абсолютно во всем! Подожди минутку, – и ушла.

Затем вернувшись, протянула ему перстень, тот самый, который ее отец подарил Али-Акраму.

Агахан поблагодарил Асли.

– Я все поняла правильно, ты влюблен, мой мальчик, – подумала Марджан ханум. – Да поможет тебе БОГ! – она поцеловала сына.

Марьям тоже поцеловала его и, проведя из-под Корана, вышла на крыльцо.

– Налейте за ним воду, – сказала она служанке.

– Пусть дорога ваша будет светлой и благополучной, – сказала служанка вслед отъезжающей пролетки.

Агахан, попрощавшись с Мелик-Ага, приехал к Шихали. Поиграв немного с его сыновьями, сообщил о своем отъезде.

– Говорят, ты влюблен в сестру своего друга? Расскажи мне о ней, какая она, маленькая, высокая, толстая или худая. Какая? – спросила Сария ханум.

Сарию ханум все очень любили, и ее любопытство не вызвало никаких подозрений у Агахана. Он с превеликим удовольствием рассказал все, да так, что Сария практически зрительно не только ее представила, но своими великолепными способностями почти ее, можно сказать, срисовала. После обеда Агахан попрощался с ними и ушел домой. Он торопился, т.к. должен был выехать немедленно, чтобы вскоре, как в песне поется: «забрав свою любимую, отправиться в путь».

Баба-Али нервничал.

– Все обойдется. Агахан умный парень, да и Руслан с отцом дали свое согласие, это не похищение вовсе. Не переживай, – успокаивала его Бегим ханум.

На рассвете из города N выехали два всадника, это были Мария и Агахан. До окраины их проводил верный слуга Руслана. Мария хорошо держалась в седле, и ей очень подходила черкеска. Они были довольны и походили на богатых молодых гуляк, возвращающихся с очередного кутежа. В ожидании поезда они зашли в ресторан. Лица, находящиеся в черкеске, при входе в помещение шапки не снимали, и поэтому Мария чувствовала себя в полной безопасности, ее густые волосы были плотно прижаты папахой из дорогого каракуля. Агахан отдал ей подарок Асли. Она подмигнула ему и одела перстень, он ей был велик, но это не смутило девушку. Это был первый подарок в новой жизни, которую они начинали.

– За соседним столиком сидит дама. Она все время смотрит на тебя, милый мой друг. Повернись в ее сторону, подними бокал в ее честь и пригуби вина, – сказал Агахан.

Мария была красива, как женщина, и он совсем не ожидал, что она будет так очаровательна в черкеске.

– Красавец юноша, – говорил взгляд незнакомки.

Агахан улыбался. Мария все в точности выполнила. Незнакомка была довольна вниманием юноши. Среди посетителей мелькнуло лицо одного из телохранителей Шихали и исчезло.

– Показалось, – решил Агахан.

Поезд подъехал. Они вошли и сели на свои места.

Елена собирала вещи. Мать ей и Руслану указала на дверь.

– Мне больше никто не нужен, уходите все.

– Жаль, что ты не понимаешь нас, мама, очень жаль. Если бы ты видела столько горя, сколько Марджан ханум, ты бы знала цену счастья, – сказал матери Руслан.

Они уехали. В Петербурге у них был дом.

– Будем жить вместе с сестрой и Агаханом, – сказал он Елене. – Я думаю, что это их тоже обрадует. Мы одна семья и нам нечего делить.

Агахан вышел из вагона, вслед за ним вышла Мария. Вдруг как будто из-под земли вырос телохранитель Шихали. Агахан застыл от неожиданности.

– Идемте, вас ждет машина, – сказал телохранитель, улыбаясь.

Агахан, ничего не понимая, взяв за руку Марию, пошел за ним. Они поехали в гостиницу. Поднялись в бронированный люкс. Комната была полна цветов. В спальне на кровати лежали роскошное платье («Ах, Сария, Сария!») и мужской костюм. На столе лежал конверт. Агахан вскрыл его и прочел. «Дорогой брат. Я счастлив вместе с вами. Прими от меня этот подарок». Второй лист письма был не что иное, как купчая на дом в Германии! Да, в этом и был весь Шихали, вставший во главе большой семьи.

– Я могу идти? – спросил телохранитель.

– Вы сопровождали нас весь путь? – спросила Мария.

– Бек велел вас подстраховать, что я и сделал, – скромно ответил он и, попросив разрешения, удалился.

Они переоделись и спустились в ресторан. Там их ждал отец Марии.

Глава 11

Фатима ханум сама вела хозяйство. Сын Андрея Павловича был ее управляющим и вместе с женой жил в восстановленном доме Мир-Аббаса и Хавер. Жена его была учительницей. Дети подрастали. Фатима старалась дать им все необходимое, чтобы они не чувствовали, что в доме нет отца. Муса, Иса, Бадир, Муртуз, Месме и Медина росли в полном достатке.

Баба-Али просил прислать к нему Мусу для обучения, но Фатима никак не хотела с ним расставаться, хотя понимала, что мальчик очень умен и у него будет большое будущее, если он там закончит свое образование.

Прошел еще год.

Все съехались на даче Шихали. Музыка, танцы, оба сына родились летом, и день их рождения отмечали вместе. Приехали все. Даже Руслан с женой и Дэвид, друг Баба-Али, с братом Роджерсом. Роджерс давно мечтал увидеть Баку, а еще мечтал познакомиться с красавицей Гюльназ, которая осталась в его сердце после их встречи в театре, когда он проездом был в Петербурге с братом. Дочь Айши тоже на него посматривала, но боялась в этом признаться даже самой себе. Роджерса интересовало все: и обычаи, и вера, и язык, культура и история. Родители его рано умерли и воспитанием занимались опекуны, затем Дэвид, который был на восемь лет старше. Он заменил ему отца. Дэвид видел, что брат влюблен, но не знал, как помочь. Обычаи здешних мест были ему чужды, и он даже не думал что-либо предпринимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.